

Б. И. ГАЛАЩУК

ПУШКИН В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

С произведениями Пушкина чехи и словаки познакомились еще при жизни великого русского писателя. Зденек Неедлы в своей статье «Из истории связей советской и чехословацкой литератур» писал: «Произведения Пушкина еще при его жизни вошли в чешскую литературу. Уже тогда у нас с увлечением переводили и читали его»¹.

Начало знакомства чехов с Пушкиным относится к 1823 (одесскому) году жизни поэта, когда известный чешский ученый Ганка получил из России его произведения. Творчеством Пушкина увлекались Шафарик, Ганка, Челаковский, Юнгманн. Переводами произведений поэта на чешский язык занимались Ян Славомир Томичек, Челаковский, Бендл, Красногорская, Едличек, Коубек, Покорны.

Среди словаков большой интерес к творчеству Пушкина проявили Людовит Штур, Андрей Сладкович (Браксаторис), Гурбан Вайянский, Гвездослав, Янко Ясенский. В числе переводчиков Пушкина на словацкий язык можно назвать Гурбана Вайянского, Само Бодицкого, Гвездослава, Андрея Сладковича, Людмилу Подъяворинскую, Янко Ясенского.

Многие чешские и словацкие писатели испытали на себе животворное влияние Пушкина.

О его творчестве в Чехии много писали. Так, В. Францев в своей книге «А. С. Пушкин в чешской литературе» (1898) и в статье «Новые чешские переводы произведений Пушкина»² упоминает много статей чешских литературоведов и писателей

¹ «Новый мир», 1945, № 2 и 3.

² См. «Русский филологический вестник», т. 43, 1900.

о творчестве Пушкина. Д-р Рудо Бртань в работах о Пушкине пишет о многих исследователях творчества поэта среди словацких литературоведов.

Интерес к творчеству Пушкина значительно возрос в наше время, когда Чехословакия стала страной народной демократии, когда ее народы почувствовали особую близость к Советскому Союзу.

Чешский и словацкий народы привлекает свободолюбие Пушкина, его ненависть к гнету, тирании.

Остановимся на некоторых работах профессора Пражского университета Юлиуса Доланского, президента Чехословацкой академии наук Зденека Неедлы и исследователя словацкой литературы акад. Андрея Мраза.

Юлиус Доланский часто выступает в наших советских журналах по вопросам славяноведения, в частности по вопросам, связанным с русской литературой. Недавно он напечатал интересную статью «Příklad živého a rokožkoveho slovanství»³, посвященную 80-й годовщине со дня рождения Зденека Неедлы. Нас эта статья интересует показом того, как чешский народ и чешская буржуазия относились к России, к русскому народу. Доланский говорит, что в первой половине XIX века чешские патриоты ориентировались на Россию, ждали с ее стороны помощи, потому что она была единственной свободной и независимой от другого государства славянской страной. Положение изменилось во второй половине XIX века. С развитием капитализма в средней Европе начинает расти чешская буржуазия. Она уже по-иному смотрит на царскую Россию. Большое отсталое государство представляет для чешской буржуазии уже меньшую притягательную силу. Чешская буржуазия начинает обращать свои взгляды в сторону буржуазного Запада и становится на путь активного сотрудничества с австрийскими властями.

В это время в Чехии существует два политических течения, выражающих разные отношения к России. Течение младочешского «новославянства», возглавляемое Крамаржем, требует ориентации на Россию царизма и использования ее политических и хозяйственных возможностей. Другое течение ориентировалось в основном на Запад; оно старалось ослабить традиционное чешское руссофильство. Во главе этого течения стоял проф. Масарик.

Однако широкие массы чешского и словацкого народов верили в помощь русского народа и надеялись, что военное столкновение России и Австро-Венгрии приведет к развалу габсбургской империи и освободит чешский и словацкий народы. Народные массы Чехословакии уже тогда верили, что

³ См. ж. «Slovanský přehled», 1958, № 2.

народы России рано или поздно сбросят иго царизма. «Еще во времена Гавличека у нас было убеждение, что царский абсолютизм не удержится»⁴, — говорил проф. Доланский в докладе «Великий Октябрь и чешская литература», сделанном на юбилейной научной конференции Чехословацкой академии наук, посвященной сорокалетию Октября.

Ю. Доланского живо интересует жизнь Советского Союза, его культура, литература, а также классическая русская литература. В статье «Пушкин и чешская культура»⁵ Доланский показывает, как по-разному воспринималось творчество Пушкина чешской общественностью в различные исторические периоды. Он говорит, что в период первого знакомства чехов с Пушкиным (еще при жизни великого поэта) особенно живо дали знать о себе основные тенденции времен чешского возрождения: любовь к России, влечение к междуславянским связям, а в области литературы — влечение к романтизму.

Революционными мотивами творчества Пушкина, как отмечает Доланский, чешская общественность начала особенно интересоваться в период революции 1848 года.

В 60-е годы в Чехии наибольшей популярностью пользовались произведения Пушкина раннего романтического периода. Объясняется это тем, что буржуазная молодежь увлекалась романтическими мечтами, а лучшая ее часть защищала волю и независимость народов. В 60—70-е годы возрастает интерес и к Пушкину-реалисту, особенно к его прозе.

Ю. Доланский подчеркивает, что в 80-е годы восприятие творчества Пушкина в Чехословакии было «односторонним». Буржуазная публика в это время увлекалась в основном «Евгением Онегиным», в переводе Юнга. В 1888 году пражский театр поставил оперу Чайковского «Евгений Онегин». Буржуазный читатель и зритель оставил вне поля своего зрения критику Пушкиным современного ему общества, его внимание привлекала любовная линия романа, которая трактовалась (что особенно интересно!) в сентиментальном духе.

Статья подчеркивает, что в начале нашего века развитие различных упаднических течений в литературе в большой мере вредило распространению произведений Пушкина среди чешских читателей.

Первая мировая война была в известной мере стимулом для нового обращения чешского читателя к Пушкину как представителю поэзии великого русского народа — народа, на который чехи и словаки возлагали надежды в отношении своего освобождения из-под австро-венгерского ига.

Если мы примем во внимание то, что приведено из статьи

⁴ «Радянське літературознавство», 1958, № 2, стр. 131.

⁵ См. Ю. Доланский. Пушкин и чешская литература. «Славяне», 1957, № 7.

Доланского «Příklad živého a pokrokového slovanství» в отношении ориентации возрастающей чешской буржуазии на буржуазный Запад, то станет ясным, почему времена существования Чехословацкой Республики не были благоприятными для появления новых переводов произведений великого русского поэта. Но и в это время чешский народ продолжал любить и с большим интересом относиться к одному из любимейших своих поэтов: произведения Пушкина читались, новые издания его книг быстро раскупались.

Особенный интерес к творчеству Пушкина возник в 30-е годы XX века. К столетию со дня смерти Пушкина вышел четырехтомник его произведений. В эти годы появляется ряд новых переводов произведений Пушкина. Проф. Доланский особенно высоко ценит переводы лирики русского поэта, сделанные Петром Кршичкой, перевод «Евгения Онегина», исполненный Иосифом Горой, и перевод пушкинских драм Отакара Фишера. Революционные стихотворения Пушкина переводил молодой поэт Илья Барт. Эти высоко художественные переводы были более совершенными, чем сделанные ранее. В эти же годы появилось и много статей о творчестве Пушкина. В числе лучших следует назвать работу Ф. Таборского «Пушкин — левец свободы».

Во время гитлеровской оккупации чехам пришлось «прятать» свои симпатии к гению русской литературы; произведения русского поэта они читали тайком.

Статья проф. Доланского интересна также показом влияния Пушкина на многих чешских писателей; в творчестве некоторых из них есть мотивы, близкие к мотивам пушкинского творчества. Так, еще при жизни Пушкина это влияние сказалось на творчестве Карела Гинека Махи. Он написал произведение «Цыганы», которое имеет некоторое сходство с одноименной поэмой Пушкина. Как и Пушкин, Маха шел от романтизма к реализму.

Очень интересны замечания Доланского об отношении Гавличека-Боровского к Пушкину. Еще в 1843 году Гавличек отзывался о Пушкине с известным холодком, но вскоре он изменил свое отношение к русскому поэту. Пушкин становится ему близким именно своей сатирой, едкими нападками на царский режим. Гавличек, сам не сознавая этого, в отдельных местах некоторых своих произведений (например, «Крещение св. Владимира») даже подражает Пушкину.

Доланский находит также, что образ царицы Екатерины из «Капитанской дочки» Пушкина несколько повлиял на создание образа «пани княгини» в одном из произведений Боже-ны Немцовой. Неруда создает образ чешского Онегина в памфлете «У нас». Пфлегер-Моравский находится под влиянием Пушкина в своем «Пане Вышинском». Сватоплук Чех

подражает «Цыганам» Пушкина, его повесть «Черкес» близка к «Кавказскому пленнику». Влияние пушкинского романа «Евгений Онегин» заметно на некоторых произведениях Франтишека Таборского и «Магдалине» Махара.

В статье Доланского приведены многочисленные факты, свидетельствующие о проявлении большого интереса со стороны чешских писателей к творчеству Пушкина, говорится о переводах произведений русского поэта на чешский язык и дается оценка этим переводам.

Очень много внимания творчеству Пушкина уделяет Зденек Неедлы. Он написал о Пушкине несколько статей, которые печатались в журналах: «Praha — Moskva», «Tvorba», «Vag». Эти статьи посвящены вопросам значения Пушкина для народов Советского Союза, отношения народных масс советской страны к великому русскому поэту («СССР и Пушкин», «Народ СССР о Пушкине»), вопросам значения Пушкина для чехов и словаков («Чехословацкие деятели искусства Пушкину», «Пушкинские стихотворения звучат по-новому», «Мы и Пушкин», «Франтишек Таборский: «Пушкин — певец свободы»). Большинство этих статей напечатано в 1937 году. В статье «СССР и Пушкин» З. Неедлы пишет о том, что Пушкина любят в Советском Союзе все народы. Он подчеркивает, что близость поэта народу можно объяснить его вечно молодым творчеством.

В статье «Народ СССР о Пушкине» З. Неедлы приводит отзывы ряда советских людей о Пушкине и на них показывает, как простой советский человек ценит творчество великого поэта. Из этих высказываний автор не делает вывода, но отзывы советских людей, которые он приводит, красноречиво говорят о великой любви советского народа к гению русской литературы.

В своих статьях о Пушкине З. Неедлы пишет, что при жизни великого русского поэта его творчество было мало известно в Чехии, что ранее чешский народ узнал Гоголя. Пушкин пришел на чешскую землю в 50-х годах прошлого века. Особенное значение в этом отношении имел 1848 год, пробудивший к жизни молодое поколение, а вместе с ним и интерес к творчеству Пушкина. И с этого времени, пишет З. Неедлы, Пушкин становится «неотъемлемой частью чешской культуры».

Чешский академик отмечает, что вначале Пушкина в стране восприняли как «сладкого певца любви». Не Онегин, как социальный тип, а влюбленная девушка Татьяна характеризовала в Чехии пушкинское творчество. Нужна была русская революция, чтобы чешский читатель имел возможность познакомиться с настоящим Пушкиным. И Пушкин предстал перед своими читателями не только как лирик, но и как пла-

менный трибун, зовущий в бой против угнетателей. Пушкинские произведения призывают народ восстать за свои права. Чешский литературовед говорит, что дни празднования пушкинского юбилея должны стать выражением стремлений народа к лучшей жизни и твердого намерения бороться за нее.

З. Неедлы подчеркивает, что Пушкин жил в тяжелые времена Александра I и Николая I. Заслуга поэта в том, что и в это тяжелое время он воспел русского человека, русскую природу. Пушкин, таким образом, не только певец красоты, но и великий защитник угнетенного и униженного человека.

Среди статей, посвященных З. Неедлы Пушкину в дни юбилея 1937 года, есть и статья, рассматривающая работу Франтишека Таборского «Пушкин — певец свободы», являющуюся лучшим исследованием творчества Пушкина в Чехословакии. Акад. Неедлы говорит о том, что книга Таборского является книгой о «сегодняшнем» Пушкине, а не о Пушкине в представлении романтической предвоенной генерации или в представлении тех, для кого сегодняшняя Россия — Россия великой социальной революции — не существует. Неедлы подчеркивает, что Таборский старательно и вдумчиво изучил все то новое, что написано о творчестве Пушкина советскими литературоведами, и относится к нему так, как относится к великому поэту советский народ, уважающий Пушкина за его любовь к простому человеку. Подчеркивается, что в работе Таборского делается ударение на то, что Пушкин является «певцом свободы» и что великий поэт последовательно на протяжении всей своей жизни боролся за эту свободу. Особенно интересным в работе Таборского является использование им неизвестных ранее чешскому читателю стихотворений поэта, а также новых исследований о Пушкине, в которых говорится о революционном поэте.

Неедлы очень высоко ценит работу Таборского, считая ее украшением чешского литературоведения, книгой, подобной которой давно уже не появлялось в чешской критической литературе.

На юбилей Пушкина в 1949 году чешский академик откликнулся статьей «Мы и Пушкин». З. Неедлы начинает свою статью упоминанием о том, что чехи и словаки, говоря о Пушкине, называют его «наш Пушкин» (как это похоже на то, что Шевченко — великий украинский поэт — в «Дневнике», выражая свое отношение к творчеству великих русских писателей, писал: «наш бессмертный Гоголь», «наш великий Лермонтов!»). Сейчас в Чехословакии нет села или самого глухого уголка, где бы не слышали слово «Онегин», говорит З. Неедлы.

В статье приведены также материалы о том, как «входил» Пушкин в чешскую землю. Вспоминается первый перевод из Пушкина на чешский язык (это была поэма «Цыганы», 1831),

а также то, что одним из первых ценителей творчества Пушкина в стране был Челаковский.

После революции 1848 года, когда австро-венгерский абсолютизм чуть не «раздавил» чешский народ, Ченек Бендл посвятил себя делу переводов на чешский язык произведений Пушкина. Его великое дело поддержала Божена Немцова. Произведения Пушкина в эти тяжелые для Чехии времена вселяли в чешский народ силы и надежду на лучшее будущее.

Могуче зазвучала лира Пушкина в Чехии после 1860 года. Особая заслуга в популяризации произведений великого русского писателя в это время принадлежит Е. Красногорской. Одним из наилучших чешских переводчиков Пушкина в XX веке З. Неэдлы считает Иосифа Гору.

Автор статьи говорит о хорошем знакомстве чехов с операми, написанными на произведения Пушкина. Еще в 1867 году в стране была осуществлена постановка оперы Глинки «Руслан и Людмила», в 1888-м — оперы Чайковского «Евгений Онегин», затем «Пиковой дамы». Музыка к опере «Дубровский» написал чех Э. Направник.

Пишет Неэдлы и о Пушкине в области чешского изобразительного искусства. Чехи-художники дали много иллюстраций к пушкинским произведениям, а также создали много картин на их сюжеты.

Неэдлы отмечает также, что пушкинские юбилеи в Чехии проходили под лозунгом признательности и благодарности чешского народа народу русскому.

Итак, нами установлено, сколь живо интересуется творчество А. С. Пушкина чешского акад. З. Неэдлы. Статью «Мы и Пушкин» он заканчивает так: «Вспоминаем его (Пушкина. — Б. Г.) в день юбилея, но будем вспоминать его постоянно. И не только вспоминать — жить будем великим делом великого писателя, патриота, революционера и человека».

Исследованием творчества Пушкина занимается и словацкий литературовед акад. Андрей Мраз. В 1955 году вышла его книга «Z ruskej literatury a jej ohlasov u slovakov». В этой книге словацкий литературовед помещает свои статьи о Герцене, Островском, Салтыкове-Щедрине, Толстом, Чехове, Горьком. Есть тут и статья о маленьких пушкинских трагедиях — «Na okraj Puškinových malých tragedií».

В начале статьи А. Мраз говорит о влиянии Пушкина и значении его поэзии для словацкой литературы. Ровесниками Пушкина в Словакии были Ю. Шафарик и Я. Қоллар. Последний в своем произведении «Дочь славы» посвящает Пушкину целый сонет.

Последующее поколение словацких писателей — писателей-романтиков — восприняло творчество Пушкина с восхищением. Пушкин стал учителем того поколения, из числа которого он

особенно близок был Андрею Сладковичу и Людовиту Штуру. Пропагандистом творчества Пушкина среди словаков был Светозар Гурбан Вайянский. Андрей Мраз вспоминает также о переводах произведений Пушкина, сделанных Само Бодицким, Гвездославом, Андреем Сладковичем, Людмилой Подъяворинской.

Новой эрой в деле приобщения словацких писателей к творчеству Пушкина, по утверждению А. Мраза, стала переводческая деятельность Янко Ясенского.

Из словацких писателей послевоенного времени в статье говорится о писателе Яне Поничане — переводчике драматических произведений Пушкина.

Мраз констатирует постоянный, устойчивый интерес к творчеству Пушкина со стороны словацких писателей со времен Шафарика и Коллара вплоть до наших дней.

Словацкий литературовед в своей статье рассматривает три маленькие трагедии Пушкина («Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Каменный гость») и говорит о «Борисе Годунове». А. Мраз констатирует тот факт, что в этих трагедиях талант Пушкина проявился не в меньшей мере, чем в других его наилучших произведениях.

В «маленьких трагедиях» Мраз видит такие общие черты, как «сгущение» драматического действия и изображение «оголенной страсти». «Бориса Годунова» словацкий критик квалифицирует как драму, которая принесла русской драматургии мировую известность.

Акад. Мраз подчеркивает, что основное в трагедии «Моцарт и Сальери» — показ страсти зависти. Гениальному Моцарту противопоставлен человек «малого формата», талантливый ремесленник Сальери. Показано, как талант устраняет со своей дороги гения. Исследователь делает ударение на то, что Пушкин дал гениальный анализ психологии зависти, смог раскрыть самые тайные глубины человеческой психики.

Словацкий ученый говорит, что в «оголенном» виде раскрывает Пушкин в своей трагедии «Скупой рыцарь» иную страсть — скупость. Исследователь напоминает, что изобразили эту страсть в своих произведениях Шекспир и Мольер. Подчеркивается, что в «Скупом рыцаре» Пушкина (как и в его произведении «Моцарт и Сальери») центральным местом является один из монологов, а именно — монолог барона в подвалах над его богатствами. Подчеркнуто, что в изображении страсти Пушкин не впал ни в морализаторство, ни в дидактизм.

Что касается драмы Пушкина «Каменный гость», то словацкий литературовед подчеркивает, что это самая сложная по своему построению трагедия из «маленьких трагедий» великого русского поэта, что, хотя на эту тему написал Мольер

«Дон Жуана», Пушкин смог остаться оригинальным в разработке сюжета своего произведения.

В статье говорится, что поводом к анализу «маленьких трагедий» Пушкина послужил их перевод на словацкий язык, сделанный словацким писателем Яном Поницаном.

Из краткого обзора ряда работ чешских и словацких литературоведов видно, что интерес к творчеству гения русской поэзии со стороны чехов и словаков с годами становится все больше. Перед современным чешским и словацким читателем предстает «новый» Пушкин — певец воли и свободы, певец, созвучный нашей славной эпохе.

Прав был великий словацкий писатель Людовит Штур, писавший о произведениях Пушкина: «...заронились те песни глубоко в славянские души. Умер поэт, но жив его дух и жить будет вечно сладостный дух его лютни на вольных просторах».

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961